

Научный журнал «Костюмология» / Journal of Clothing Science <https://kostumologiya.ru>

2018, №3, Том 3 / 2018, No 3, Vol 3 <https://kostumologiya.ru/issue-3-2018.html>

URL статьи: <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Сидорчук И.В. Мода и ее связь с культурными девиациями в советской повседневности и пропаганде 1920-х годов // Научный журнал «Костюмология», 2018 №3, <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Sidorchuk I.V. (2018). Fashion and its connection with cultural deviations in Soviet everyday life and propaganda of the 1920's. *Journal of Clothing Science*, Vol. 3, No. 3. <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf> (In Russ.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-31-00017-ОГН «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»)

УДК 94(47+57) «1920»

ГРНТИ 03.23.55

Сидорчук Илья Викторович

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, Россия

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: chubber@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=619010

SCOPUS: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56528147900>

Мода и ее связь с культурными девиациями в советской повседневности и пропаганде 1920-х годов

Аннотация. В статье автор обращается к теме советской моды 1920-х годов, ее месту в городской повседневности в контексте пропаганды нового быта. Вопрос о борьбе большевиков с модой как буржуазным пережитком и мещанством, визуальным символом былой эпохи, который надо было быстрее стереть из памяти новых поколений, достаточно полно изучен. При этом вне рамок оставалась тема ее связи с теми или иными формами поведения, являвшимися или ставшими после Октября 1917 г. девиантными – аполитичностью, мещанством, аморальным и нездоровым образом жизни, неверием в советские идеалы. Именно эти особенности во многом влияли на формирование негативного образа моды и спускали ее до уровня девиации. На основе анализа периодики, в том числе многотиражных заводских газет, и изданий, посвященных проблемам культурного строительства, автор приходит к выводу, что с переходом к нэпу критика провластными пропагандистами моды как таковой скорее была исключением, встречаемым в работах и речах лишь рьяных поборников новой эстетики. Сюжет, которым пестрят материалы о жизни и быте молодежи, – стремление во что бы то ни стало купить дорогую одежду или обувь при подчас полном невнимании к собственной гигиене, образованию, культурному уровню. Таким образом, в СССР 1920-х гг. развитию моды среди широких слоев населения мешала далеко не столько установка власти на борьбу с мещанством и буржуазными пережитками, но низкий культурный уровень и бедность.

Ключевые слова: история досуга; история повседневности; девиантный досуг; история моды; гендерная история; Новая экономическая политика; рабочая история; гигиена; Советский Союз 1920-х годов

История советской моды 1920-х гг. в историографии справедливо представляется переходным периодом, когда параллельно со смелыми авангардными экспериментами сохранялись остатки имперского прошлого, проникали образы «ревущих 20-х» и сталкивались с настойчивым стремлением власти создать нужный внешний образ советского человека. Наиболее востребованным и растиражированным оказывается вопрос о борьбе большевиков с модой как буржуазным пережитком и мещанством, визуальным символом былой эпохи, которую надо было быстрее стереть из памяти новых поколений [1, с. 63-64; 2, р. 88-89, 128-138; 3, с. 46-52; 4, с. 138-194]. Достаточно подробно проанализировано знаковое содержание одежды, кодирующей принадлежность к той или иной социальной группе в рассматриваемый период, маркирующей социокультурную принадлежность ее носителя, его политические ориентиры [5, с. 119-153]. Соглашаясь с основными выводами исследователей, в настоящей статье мы хотели рассмотреть момент, который не попал в сферу их внимания. Речь идет о связи критики моды с рядом таких девиаций, как нездоровый образ жизни, вещизм, неучастие в общественной жизни и несоблюдение правил личной гигиены, в активную борьбу с которыми включилась власть в период нэпа.

С переходом к нэпу критика провластными пропагандистами моды как таковой скорее была исключением. Как заметил исследователь Т. Вихавайнен, дискуссия о мещанстве в 1920-х гг. «велась еще достаточно мирно и, можно даже сказать, в академическом стиле» [4, с. 186-187]. При всех стараниях рьяных поборников новой эстетики, видевших в галстук, броши или длинных стрижках мелкобуржуазный индивидуализм, был и другой мир, создававшийся популярными зарубежными фильмами, витринами вновь открывшихся магазинов, такими журналами, как «Новости моды», «Четыре сезона», «Моды сезона», «Женский журнал», «Журнал для хозяек». Сравнивая красивых, успешных и счастливых девушек с их обложек с героинями изданий «Коммунистка», «Работница», «Крестьянка», многие стремились к первому, хотя реальность предлагала им второй вариант. Этот культурный конфликт периода советского капитализма показывает, насколько полярными могли быть точки зрения на приемлемый и желательный подход к вопросу одежды, семиотическая роль которой оставалась неизменно высока.

Для молодежи красивая одежда и привлекательная внешность ассоциировалась с высоким качеством жизни, что вовсе не обязательно означало антиреволюционность [2, р. 136]. Со стабилизацией повседневной жизни в 1920-е гг. власть допускала сосуществование этих двух точек зрения, понимая наличие спроса на одежду и неактуальность революционного аскетизма. К западной моде стремились не только дети нэпманов, служащие или работники торговли, но и студенты-комсомольцы, партийные лидеры, рабочие, значительная часть из которых только приехала из деревни и оказалась окружена соблазнами города. В таких условиях критика самого желания красиво и современно одеться не была актуальной задачей. Важна была ее связь с теми или иными формами поведения, являвшимися или ставшими после Октября 1917 г. девиантными – аполитичностью, мещанством, аморальным и нездоровым образом жизни, неверием в советские идеалы. Именно через призму подобных девиаций и формировались негативные коннотации моды.

Инклюзивный термин «мещанство», получивший в 1920-е гг. широкое распространение в качестве ярлыка, навешиваемого на скромных обывателей и ревнителей традиционных ценностей, неизменно использовался и для характеристики реальных или вымышленных «модников» и «модниц». Увлечение одеждой и косметикой виделось одним из символов нэпа, убившего подлинную революционность. Сюжет гибели революционного духа в возродившемся болоте мещанства был оперативно подхвачен писателями: А.Н. Толстым («Гадюка»), А. Тарасовым-Родионовым («Шоколад»), И. Эренбургом («Рвач») и др. В частности, герой Гражданской войны Бережной из романа Г. Алексеева «Тени стоящего впереди», говорит изменившей ему с фронтовым другом жене Наде: «Хочешь, скажу, когда в

первый раз ты изменила... но я ждал, я не смел поверить... <...> Вывески, шелковые чулки, первая коробка пудры, которую ты принесла... Помнишь: ты принесла ботинки на высоких каблуках и, качаясь, пробовала ходить в них по комнате?... Это твоя жизнь, твоя идеология закачалась тогда, Надя...» [6, с. 144].

Под ярлыком «мещанство» могло скрываться желание женщины привлечь мужчину, найти себе удачную партию, для чего и нужна была красивая одежда. Доктор А.Г. Каган, занимавшийся исследованием быта молодежи, в книге «Молодежь после гудка» привел свою беседу с работницами, посвященную, в частности, нерациональному использованию молодыми работницами своей полочки – «много денег уходит у них на дорогие платья, шелковые чулки и т. д.». На вопрос «почему вы так поступаете?», девушки ответили: «Да очень просто. Если, скажем, я пойду на вечер в простеньком платье, шерстяном, будьте уверены – ко мне никто не подойдет, и весь вечер я просижу одна» [7, с. 183]. Шелковые чулки стали своеобразным символом этого осуждаемого властью стремления быть красивой как в собственном восприятии, так и в восприятии мужчин. На это обращали внимание в том числе и иностранцы. Жена греческого писателя Никоса Казандзакиса, Элени Самиос-Казандзакис, путешествовавшая по СССР в 1928 г., так и назвала один из своих рассказов – «Шелковые чулки». Ее поразило, что на рынке в Батуми процветала их контрабанда. Несмотря на то, что за такой предмет одежды грозило исключение из партии, «женщины, если бы могли, продали бы СССР за пару шелковых чулок» [8, с. 115].

Модно и дорого одетая девушка становилась неотъемлемым дополнением к описанию аморальных явлений советской повседневности 1920-х гг. Пропаганда показывала насколько страшным и губительным может быть простое желание купить красивую юбку, украшение или сходить на танцы. Например, на страницах «Листка рабкора» в 1925 г. было опубликовано стихотворение, посвященное работнице, которая ради дорогих нарядов становится любовницей старика-нэпмана, а в результате заболевает сифилисом. Ей нужны были деньги, чтобы пудрить нос, но из-за болезни он сгнил.¹

Рабочий корреспондент газеты рабочих и служащих Ленинградского телефонного завода «Красная заря», скрывающаяся под псевдонимом «Комсомолка», так описывает заводскую «мещаночку»: «Комсомолка Подольская слывет в нашей намоточной мастерской знаменитой балериной. Губки ее всегда алы, как маков цвет, брови подведены, нос напудрен добела. Платье с большим декольте, так что грудь открыта, лоб закрывает челка. Приходит – будто не на работу, а на вечер. А каково отношение к комсомолу? – Собрание комсомольское не посетила ни разу. Политика ей не нужна. Балет интересней, гибкость тела ей нужна больше...».² Сотруднице ставилось в вину не красивое платье, а неприличное декольте и неучастие в общественной работе.

¹ Листок рабкора «Ленинградской правды». 1925. 24 января. С. 2.

² Красная заря. 1928. 15 апреля. С. 5.

Рисунок 1. Карикатура «Мещаночка»³

Особенно активно в этот период обсуждалась мода на короткие юбки: «Где как соревнуются, а в отделе фабрикатов конторщицы устроили негласное соревнование на самую короткую юбку. Приза еще никем не получено, так как предел коротчайшей юбки пока не достигнут.

- Будь добра, достань мне регистратор, а то наклониться нельзя, сегодня у меня платье очень короткое...

И счастливая обладательница длинного платья выручает сотрудницу.

От беспартийных не отстают и партийки и есть сильные шансы на приз у женорганизатора тов. Малковой». ⁴ И снова проводится связь одежды с нежеланием работать и несознательностью: «Политически она не очень развита, образование у нее “низшее”, и у нее – здоровой, молодой, материально обеспеченной женщины, нет никакого желания учиться ни в вечерней школе, ни на рабфаке, ни в политкружке». ⁵ Подобный грех встречался и в рабочих клубах, призванных стать главным местом культурного досуга рабочих: «Кого мы встречаем в клубе? Расфуфыренную, раскрашенную, в окорнатой юбчонке девчущку и разодетых при “гаврилке”⁶ и “кискисе”⁷ ребят». ⁸

³ Там же. С. 5.

⁴ Красный треугольник. 1929. № 37 (76). С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Галстук.

⁷ Галстук-бабочка.

⁸ Балтиец. 1929 № 53 (163). С. 5.

Рисунок 2. Карикатура, высмеивающая моду на короткие юбки⁹

Накрашенную, напудренную и раздетую девушку часто уподобляли дикарке или цыганке, некультурному, ленивому и необразованному созданию: «В 36-й ячейке есть группа девчат, которые обильно употребляют продукцию “ТЭЖЭ” [Трест жировой промышленности Москвы – И.С.], обвивают шеи бусами, нанизывают на уши чуть не фунтовые серьги. Спрашивается, зачем и для чего? Они и сами не знают. Девчата, употребляющие краску и украшения, самые отсталые в нашей ячейке. Ничем они не интересуются, кроме танцев и разговоров о “нем”, стараются всеми правдами и неправдами сбежать с собраний, не желают работать».¹⁰

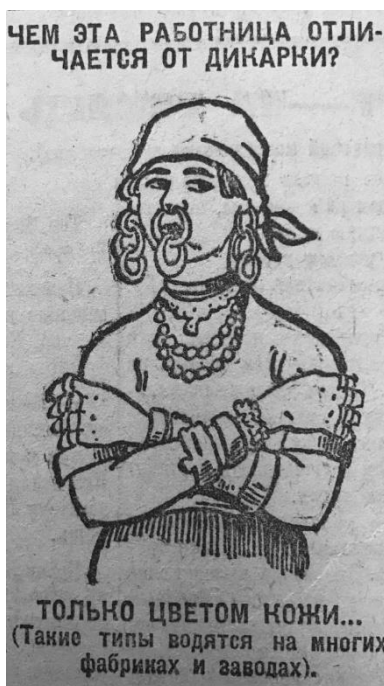

Рисунок 3. Карикатура, сравнивающая девушку с обилием украшений с дикаркой¹¹

⁹ Красный треугольник. 1929. № 37 (76). С. 4.

¹⁰ Красный треугольник. 1929. № 59 (98). С. 2.

¹¹ Листок рабкора «Ленинградской правды». 1924. № 25.

Работницы констатировали, что на яркую девушку парень скорее обратит внимание, но при этом отмечали, что, выйдя замуж, девушка часто забрасывает себя, перестает опрятно и красиво одеваться, что уже являлось недостатком. И жертвой становится не только ее внешность («вся погружается в кухонную сутолоку, совершенно не уделяя себе должного внимания, рассуждая: “раз вышла замуж – не для кого одеваться”), но и классовая сознательность («отходит от общественной работы»).¹²

Одной из проблем, с которой сталкивались партийные ячейки различных предприятий и организаций, было нежелание сотрудников подписываться на облигации государственного займа, бывшие одним из важнейших инструментов финансово-экономической политики власти. Подобное сопротивление было абсолютно естественным, учитывая низкие зарплаты. На помощь агитаторам приходила дорогая одежда, наличие которой трактовалось как финансовая возможность подписки на крупный заем: «Гр. Вишнякова, служащая склада готовых изделий, ежедневно меняющая свои наряды, приходящая на работу чуть ли не как на бал, отказалась от индивидуальной подписки на заем индустриализации, мотивируя отказ так: “Не хочу подписаться”».¹³

Грань между «правильной» и «неправильной» одеждой была очень тонкой. Нападкам подвергались предметы гардероба – символы чуждого класса. Так, среди студентов дореволюционные форменные фуражки и тужурки позволяли маркировать их носителей «белоподкладочниками», оппонентами «красного студенчества» [9; 10, с. 41-42]. С началом гонений на интеллигенцию С.М. Киров, страдавший возрастной дальнозоркостью, избегал на людях пользоваться очками или пенсне, так как они являлись чисто интеллигентским знаковым признаком [5, с. 147-148].

Высказывалась мысль о том, что не стоит одеваться не по средствам, демонстрируя тем самым свое финансовое превосходство: «Прежде всего коснемся вопроса о костюме. Об этом очень много говорят и спорят часто в ячейках. В первую голову всем нам надо хорошенько понять, что мы не монашеский орган, и рядиться в мешки и рогожи нам не пристало. Надо одеваться чисто и хорошо, опрятно и красиво. Костюм должен быть чистым и аккуратным, простым и полезным для нашего тела. Красивый, но не настолько роскошный, чтобы выделялся в общей рабочей массе, и соответствовал бы среднему рабочему бюджету. Не следует забывать, что западные рабочие всегда выходят на улицы чисто одетыми, и нам, свободным рабочим, хозяевам своего государства, отставать от них не годится. <...> Если у нас тот или иной товарищ наденет галстук, мы, понятно, ему ничего не скажем, так как в этом поступке нет ничего предосудительного. Мы сами говорим, что надо одеваться чисто, аккуратно и хорошо. Но если парень начнет носить брюки “дудочки” или шикарный костюм – это уж будет нехорошо, так как у нашего среднего рабочего бюджет не настолько велик, чтобы он мог иметь дорогие, роскошные вещи» [11, с. 19].

¹² Балтиец. 1929. № 53(163). С. 5.

¹³ Другое распространенное обвинение – трата денег на одежду. См.: Красная заря. 1929. 14 сентября.

Рисунок 4. Такие предметы гардероба – символы мещанства¹⁴

Так же, как борьба с пьянством была связана не только с искренней заботой власти о здоровье рабочих, но и с желанием снизить количество «пьяных» прогулов, брака, трат на спиртное, борьба с дорогой одеждой и косметикой велась из-за финансовых потерь, которые они приносили [12, с. 18-33; 13, с. 24-25]. После маникюра, покупки косметики, чулок и платья у простой работницы с низким жалованием могло буквально не остаться денег на еду [10, с. 50-51], а власть явно не была заинтересована в том, чтобы у станка стояла ослабленная недоеданием женщина.

Населению СССР активно навязывался здоровый образ жизни, физическая культура, гигиена, спорт. Советский человек, строитель коммунизма должен был быть крепок и здоров, готов как к трудовым подвигам, так и к обороне страны от потенциальных врагов. Политика власти в отношении физкультуры и спорта являлась зеркалом большевистской «культурной революции». Не секрет, что следование модным тенденциям в одежде может нанести вред организму, момент, мимо которого поборники физического здоровья не могли пройти. Если критика вышедших из моды корсетов в 1920-е гг. была уже не актуальна, то высокие каблуки были популярны. В журнале «Работница и крестьянка» за 1925 г. под фотографией пышущих здоровьем и силой девушек в спортивной одежде помимо описания значения физкультуры для здоровья встречаем: «Молодежь с каждым днем все больше и больше усваивает значение физической культуры. У большинства девушек уже не видно высоких каблуков, которые так вредно отзываются на здоровье последних».¹⁵ Возможным выходом из этой ситуации виделась униформа, разработанная для различных профессий и категорий населения [14, р. 118].

Не меньший вред могло приносить и чрезмерное увлечение косметикой: «Гигиена требует, чтобы все тело, всю кожу, и притом почаще, во всяком случае не менее 2 раза в месяц, обязательно мыть горячей водой и с мылом. Кроме того, для закаливания организма и предупреждения простуды очень важно по возможности приучить себя ежедневно обтираться

¹⁴ Балтиец. 1929. № 53(163). С. 5.

¹⁵ Работница и крестьянка. 1925. № 5 (23). С. 26.

до пояса комнатной водой. <...> Зная, что кожа “дышит”, легко понять, что обычно употребляемые пудры, краски для лица и т. п. очень вредны». ¹⁶

В условиях низкого культурного уровня, неналаженного быта, высокого процента только приехавших в город из деревни молодых людей представление о моде и одежде могло быть весьма своеобразным. В конце 1920-х гг. кожанки, красные косынки, брюки клеш и другие атрибуты наследия Гражданской войны, неряшливость и пренебрежительное отношение к своему внешнему виду осуждались: «Был у нас в период военного коммунизма такой тип “боевой комсомолки”, который теперь, к счастью, выдыхается почти совсем и, во всяком случае, одобрения в наше время не получает» [11, с. 19]. При этом важно подчеркнуть, что «потертая кожанка, папироса в зубы, залихватски сдвинутая набекрень кепка» осуждались не из-за смены моды, но из-за неопрятности образа их носителя или носительницы.

На комсомольских собраниях активно обсуждались вопросы одежды, ухода за собой, причесок и т. п. Вот примеры некоторых из них: «Может ли комсомолец одеваться по последней моде?»; «Допустимо ли шить платье с разрезом, специально для того, чтобы виднелось кружево “нижнего белья”?»; «Как понимать: чисто “одет” – объясни?»; «Пижонство ли будет, если парень оденется прилично, чисто и хотя бы оденет галстук? Является ли галстук вещью для всех или только для буржуазного класса?» [11, с. 28-29]. И многие представители молодежи отвечали на них, делая самый неудачный выбор – в пользу неопрятности и безвкусицы.

Сюжет, которым пестрят материалы о жизни и быте молодежи, – стремление во что бы то ни стало купить дорогую одежду или обувь при подчас полном невнимании к собственной гигиене. В результате осуждался не тот, кто носит модную одежду, а тот, кто при этом не удосуживается вымыть свою шею: «Ребята, имеющие деньги, франтят: костюм, фантазия с галстуком, “марксистский” зачес, в боковом кармане расческа. Девчата держат курс тоже на “как в Москве” – шапочки вместо платков и модные пальто внедряются в их обиход. И в то же время у большинства нечищенные зубы, сомнительной чистоты нижняя рубашка, “траур” под ногтями, грязная шея. Культурность ребят проявляется не в повседневном быту, а лишь по праздникам». ¹⁷ Работница Федотова призывала своих непутевых товаров: «Девчата! давайте бросим мазать свои лица. Не бойтесь, что вы будете хуже других. Пудра и краска не дадут красоты. Под этим всегда скрывается невымытое лицо и нечищенные зубы». ¹⁸

Более актуальной проблема гигиены была среди юношей. Мечтой любого фабзайчонка (учащегося школы фабрично-заводского ученичества для подростков при предприятии), рабочего или комсомольца был «новый хороший костюм, чистый воротничок с красивым галстуком, брюки “дудочка”, пальто “реглан” или макинтош последней моды...». Особенно модной вещью стали «джимми» или «шимми» – мужские ботинки, которые привозились из-за границы: «Когда фабзайчонок из своего скудного 20-ти рублевого жалования, не имея белья, не зная, что такое зубная щетка и носовой платок, покупает себе обязательно “джимми” за 14 р., желая щегольнуть ими на первой же вечеру, это очень мало похоже на стремление к культурности. Когда под “шикарным” костюмом одета грязная нижняя рубаха, когда белый, свежее-выглаженный воротничок ясно выделяется на грязной невымытой шее, когда хорошо одетый парень обладает вас зловонным дыханием своих желтых, нечищенных зубов, это говорит

¹⁶ Работница и крестьянка. 1925. № 10 (28). С. 43.

¹⁷ За культурный досуг молодежи. Информационный обзор. М., 1928. С. 20.

¹⁸ Голос Казицких. 1928. № 8. С. 3.

за то, что часть нашей молодежи в галстухе и “джимми” видит новый быт, а в пудре “Коти” или шелковых носках культурную революцию».¹⁹

Советская молодежь, с одной стороны, не должна была ориентироваться на буржуазный Запад, но, с другой – обязана выглядеть достойно и прилично и многому учиться у западных рабочих: «Убегать с баррикады для того, чтобы почистить зубы, а заодно поиграть в гольф – довольно странно, но иметь на общежитие из 11 человек одну зубную щетку [реальная ситуация в одном из рабочих московских общежитий – И.С.] – это свидетельствует не в пользу русской рабочей молодежи» [15, с. 11]. К теме отсутствия зубных щеток обращались и другие пропагандисты: «Зубная щетка в условиях пролетарской диктатуры – один из элементов культуры. Зубная щетка нужна каждому рабочему» [10, с. 62].

Свидетельства несоблюдения элементарных правил гигиены подчас слишком контрастировали с описанием щеголяющих дорогими обновками молодых рабочих: «Возьмем наш фабзавуч, самую большую комсомольскую ячейку, где учатся и работают больше 150 ребят. И в среде этих ребят, в среде комсомольцев-фабзайцев еще осталось много темных, уродливых сторон быта. Возьмем вопрос о бане. Часто ли наши ребята ходят в баню? Среди фабзайцев найдется человек 5-10, которые по месяцу или больше не ходят в баню, которые приходят в школу грязными, отговариваясь тем, что у них денег нет, времени мало и т. д., в то время, как их каждую субботу или воскресенье можно встретить шляющимися по улице или сидящими в киношке».²⁰ Отговорка отсутствием денег являлась распространенным способом объяснения неряшливости: «Часто у нас совершенно облыжно ссылаются на бедность. Увидишь человека в грязном, рваном платье: “Бедность – ничего не поделаешь”. Увидишь грязную квартиру, засаленное белье: “все от бедности”. <...> Между тем, если хорошенько поразобраться, очень и очень часто, больше чем в половине случаев, виновата не бедность, а наша неряшливость – наследие старого быта» [15, с. 55]. Модно одетый комсомолец на практике оказывался человеком, который покупает дорогие ботинки, но не ходит в баню, или работницей, полагавшей, что шелковые чулки и пудра, а не личная гигиена приближают ее к девушкам высшего общества. Лозунги и призывы концентрировались не на критике красивой и дорогой одежды как таковой, а на том, что она отвлекает от построения культурного быта: «Нужно сейчас же, начиная с самого комсомола, повести борьбу за чистоплотность, за гигиену, потому что и у комсомольцев еще много времени и денег уходит на франтовство и щегольство, а не на баню, зубной порошок, чистую одежду и новую книгу».²¹

Таким образом, в СССР 1920-х гг. развитию моды среди широких слоев населения мешала далеко не столько установка власти на борьбу с мещанством и буржуазными пережитками, но низкий культурный уровень и бедность. Эмансипация приносилась в жертву желанию найти приличного, состоятельного жениха, общественная работа – маникюр и стрижке, физическое развитие и личная гигиена – внешним атрибутам превратно понятой красоты. Именно эти особенности во многом влияли на формирование негативного образа моды и спускали ее до уровня девиации.

¹⁹ Красная заря. 1928. 15 апреля. С. 5.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Красная заря. 1928. 15 апреля. С. 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, С.В. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917-1991 / С.В. Журавлев, Ю. Гронов. – М.: ИРИ РАН. – 496 с.
2. Goruch, A.E. Youth and revolution. Enthusiasts, bohemians, delinquents / A.E. Goruch. – Bloomington: Indiana University press, 2000. – 274 p.
3. Кирсанова, Р. "Гимнастерка", "джимми" и "полпред"... / Р. Кирсанова // Родина. – 1997. – № 11. – С. 46-52.
4. Вихавайнен, Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Т. Вихавайнен. – СПб.: Изд. дом «Коло», 2004. – 416 с.
5. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. – М.: НЛО, 2015. – 488 с.
6. Алексеев, Г. Подземная Москва: романы, повести, рассказы / Г. Алексеев. – М.: Эксмо, 2007. – 480 с.
7. Каган, А.Г. Молодежь после гудка / А.Г. Каган. – М.; Л., 1930. – 194 с.
8. Легенькова, Е.А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самииос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати / Е.А. Легенькова // Новейшая история России. – 2015. – № 3. – С. 110-120.
9. Андреев, Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение / Д. Андреев. – 2008. – № 90. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html>.
10. Рафаил, М. За нового человека / М. Рафаил. – Л.: Прибой, 1928. – 116 с.
11. Стратоницкий, А. Вопросы быта в комсомоле / А. Стратоницкий. – Л.: Прибой, 1926. – 112 с.
12. Сидорчук, И.В. Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х гг. (На примере Ленинграда) / И.В. Сидорчук // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 17-26.
13. Сидорчук, И.В. Особенности трансформации культурных досуговых практик рабочих в 1920-х гг. / И.В. Сидорчук // История повседневности. – 2018. – № 1(8). – С. 18-33.
14. Gradska, Yu. Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930-1960s / Yu. Gradska. – Stockholm: Edita, 2007. – 347 p.
15. Дмитриев, В. На путях к новому быту / В. Дмитриев, Б. Галин. – М.: Новая Москва, 1927. – 72 с.

Sidorchuk Iliа Victorovich

Peter the great St. Petersburg polytechnic university, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: chubber@yandex.ru

Fashion and its connection with cultural deviations in Soviet everyday life and propaganda of the 1920's

Abstract. In the article the author refers to the theme of Soviet fashion of the 1920s, its place in the urban everyday life in the context of the promotion of new culture. The question of the struggle of the Bolsheviks with fashion as a relic of bourgeois and philistinism, visual symbol of a prerevolutionary era that should have been faster to erase the memory of new generations, have been sufficiently studied. At the same time, the theme of its connection with certain forms of behavior that were deviant or became such after October 1917 (political apathy, philistinism, petty bourgeoisie, immoral and unhealthy lifestyle, and disbelief in Soviet ideals) remained outside the researchers attention. It is through the prism of such deviations that negative connotations of fashion were formed. Based on the analysis of press, including multi-edition factory newspapers, and publications on the problems of cultural reconstruction, the author comes to the conclusion that with the transition to the New Economic Policy criticism of pro-government propagandists of fashion as such was rather the exception found in the works and speeches of only zealous advocates of the new aesthetics. The plot, which is full of materials about the everyday life of young people – the desire at all costs to buy expensive clothes or shoes with sometimes complete inattention to their own hygiene, education, cultural level. Thus, in the Soviet Union of the 1920s, the spread of fashion among the society was hampered not so much by the installation of power to fight philistinism and bourgeois remnants, but by the low cultural level and poverty.

Keywords: history of leisure; history of everyday life; deviant leisure; history of fashion; gender history; New economic policy; working history; hygiene; Soviet Union of the 1920s

REFERENCES

1. Zhuravlev, S.V. Moda po planu: istoriia mody i modelirovaniia odezhdy v SSSR, 1917-1991 / S.V. Zhuravlev, Iu. Gronov. – M.: IRI RAN. – 496 s.
2. Goruch, A.E. Youth and revolution. Enthusiasts, bohemians, delinquents / A.E. Goruch. – Bloomington: Indiana University press, 2000. – 274 p.
3. Kirsanova, R. "Gimnasterka", "dzhimmi" i "polpred"... / R. Kirsanova // Rodina. – 1997. – № 11. – S. 46-52.
4. Vikhavainen, T. Vnutrennii vrag: borba s meshchanstvom kak moralnaia missiia russkoi intelligentsii / T. Vikhavainen. – SPb.: Izd. dom «Kolo», 2004. – 416 s.
5. Lebina, N. Sovetskaia povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilii / N. Lebina. – M.: NLO, 2015. – 488 s.
6. Alekseev, G. Podzemnaia Moskva: romany, povesti, rasskazy / G. Alekseev. – M.: Eksmo, 2007. – 480 s.
7. Kagan, A.G. Molodezh posle gudka / A.G. Kagan. – M.; L., 1930. – 194 s.
8. Legenkova, E.A. Puteshestvie v Rossiiu 1928 g. glazami Eleni Samios-Kazandzakis: v zashchitu Panaita Istrati / E.A. Legenkova // Noveishaia istoriia Rossii. – 2015. – № 3. – S. 110-120.
9. Andreev, D. «Krasnyi student» i politika proletarizatsii vysshei shkoly // Novoe literaturnoe obozrenie / D. Andreev. – 2008. – № 90. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html>.
10. Rafail, M. Za novogo cheloveka / M. Rafail. – L.: Priboi, 1928. – 116 s.
11. Stratonitskii, A. Voprosy byta v komsomole / A. Stratonitskii. – L.: Priboi, 1926. – 112 s.
12. Sidorchuk, I.V. Osveshchenie problem deviantnogo dosuga v zavodskikh mnogotirazhnykh gazetakh kontsa 1920-kh gg. (Na primere Leningrada) / I.V. Sidorchuk // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2017. – T. 8. – № 4. – S. 17-26.
13. Sidorchuk, I.V. Osobennosti transformatsii kulturnykh dosugovykh praktik rabochikh v 1920-kh gg. / I.V. Sidorchuk // Istoriia povsednevnosti. – 2018. – № 1(8). – S. 18-33.
14. Gradszkova, Yu. Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930-1960s / Yu. Gradszkova. – Stockholm: Edita, 2007. – 347 p.
15. Dmitriev, V. Na putiakh k novomu bytu / V. Dmitriev, B. Galin. – M.: Novaia Moskva, 1927. – 72 s.